

Александрйский стих

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Александрйский стих АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТИХ

...А стих александрйский?..

Уж не его ль себе я залучу?

Извилистый, проворный, длинный, склизкий

И с жалом даже, точная змия;

Мне кажется, что с ним управлюсь я.

Пушкин. «Домик в Коломне»

Я, признаюсь, люблю мой стих александрйский,
Ложится хорошо в него язык российский,
Глагол наш великан плечистый и с брюшком,
Неповоротливый, тяжелый на подъем,
И руки что шести, и ноги что ходули,
В телодвижениях неловкий. На ходу ли
Пядь полновесную как в землю вдавит он,
Подумаешь, что тут прохаживался слон.
А если пропустить слона иль бегемота,
То настезь растворяй широкие ворота,
В калитку не пройдет: не дозволяет чин.
Иному слову рост без малого в аршин;
Тут как ни гни его рукою расторопной,
Но всё же не вогнешь в ваш стих четверостопный.
А в нашем словаре не много ль слов таких,
Которых не свезет и шестистопный стих?
На усечение слов теперь пошла опала:
С другими прочими и эта вольность пала.
В золотой поэтов век, в блаженные года,
Отцы в подстрижке слов не ведали стыда.
Херасков и Княжнин, Петров и Богданович,
Державин, Дмитриев и сам Василий Львович,
Как строго ни хранил классический устав,
Не клали под сукно поэту данных прав.

С словами не чинясь, так поступали просто
И Шекспир и Клопшток, Камоэнс, Ариосто,
И от того их стих не хуже – видит бог, –
Что здесь и там они отсекли лишний слог.
Свободой дорожа, разумное их племя
Не изменило им и в нынешнее время.
Но мы, им вопреки, неволей дорожим:
Над каждой буквой мы трясемся и корпим
И, отвергая сплошь наследственные льготы,
Из слова не хотим пожертвовать йоты.
А в песнях старины, в сих свежих и живых
Преданьях, в отзывах сочувствий нам родных,
Где звучно врезались наш дух и склад народный,
Где изливается душа струей свободной,
Что птица божия, – свободные певцы
Счастливой вольности нам дали образцы.
Их бросив, отдались мы чопорным французам
И предали себя чужезычным узам.
На музу русскую, полей привольных дочь,
Чтоб красоте ее искусственно помочь,
Надели мы корсет и оковали в цепи
Ее, свободную, как ветр свободной степи.
Святая старина! и то сказать, тогда,
Законодатели и дома господя,
Не ведали певцы журнальных гог-магогов;
Им не страшна была указка педагогов,
Которые, другим указывая путь,
Не в силах за порог ногой перешагнуть,
И, сидя на своем подмостке, всенародно
Многоглагольствуют обильно и бесплодно.
Как бы то ни было, но с нашим словарем
Александрийский стих с своим шестериком
Для громоздких поклаж нелишняя упряжка.
И то еще порой он охает, бедняжка,
И если бы к нему на выручку, подчас,
Хоть пару или две иметь еще в запас
(Как на крутых горах волами на подмогу

Вывозят экипаж на ровную дорогу),
Не знаю, как другим, которых боек стих
И вывезть мысль готов без нужды в подставных, —
Но стихоплетам, нам — из дюжинного круга,
В сих припряжных волах под стать была б услуга.
Известно: в старину российский грекофил
Гекзаметр древнего покроя обновил,
Но сглазил сам его злосчастный Третьяковский;
Там Гнедич в ход пустил и в честь возвел Жуковский.
Конечно, этот стих на прочих не похож:
Он поместителен, гостеприимен тож,
И многие слова, величиной с Федору,
Находят в нем приют благодаря простору.
Битв прежних не хочу поднять и шум и пыль;
Уж в общине стихов гекзаметр не бобыль:
Уваров за него сражался в поле чистом
И с блеском одержал победу над Капнистом.
Под бойкой стычкой их (дошел до нас рассказ)
Беседа, царство сна, проснулась в первый раз.
Я знаю, что о том давно уж споры стихли,
А все-таки спрошу: гекзаметр, полно, стих ли?
Тень милая! прости, что дерзко и шутя
Твоих преклонных лет любимое дитя
Злословлю. Но не твой гекзаметр, сердцу милый,
Пытаюсь уколоть я эпиграммой хилой.
Гекзаметр твой люблю читать и величать,
Как всё, на чем горит руки твоей печать.
Особенно люблю, когда с слепцом всезрячим
Отважно на морях ты, по следам горячим
Улисса, странствуешь, и кормчий твой Омир
В гекзаметрах твоих нас вводит в новый мир.
Там свежей древностью и жизнью первобытной
С природой заодно, в сени ее защитной
Всё дышит и цветет в спокойной красоте.
Искусства не видать: искусство — в простоте;
Гекзаметру вослед — гекзаметр жизнью полный.
Так, в полноводие, реки широкой волны

Свободно катятся, и берегов краса,
И вечной прелестью молодые небеса
Рисуются в стекле прозрачности прохладной.
Не налюбуйся картиной ненаглядной,
Наслушаться нельзя поэзии твоей.
Мир внешней красоты, мир внутренних страстей,
Рой помыслов благих и помыслов порочных,
Действительность и сны видений, нам заочных,
Из области мечты приветный блеск и весть,
Вся жизнь как есть она, весь человек как есть, –
В твоих гекзаметрах, с природы верных сколках
(И как тут помышлять о наших школьных толках?),
Всё отражается, как в зеркале живом.
Твой не читаешь стих, – живешь с твоим стихом.
Для нас стихи твои не мерных слов таблица:
Звучит живая речь, глядят живые лица.
Всё так! но, признаюсь, по рифме я грущу
И по опушке строк ее с тоской ищу.
Так дети в летний день, преследуя забавы,
Порхают весело тропинкой вдоль дубравы,
И стережет и ждет их жадная рука
То красной ягодки, то пестрого цветка.
Так, признаюсь, мила мне рифма-побрякушка,
Детей до старости веселая игрушка.
Аукаться люблю я с нею в темноту,
Нечаянно ловить шалунью на лету
И по кайме стихов и с прихотью и с блеском
Ткань украшать свою игривым арабеском.
Мне белые стихи – что дева-красота,
Которой не цветут улыбкою уста.
А может быть и то, что виноград мне кисел,
Что сроду я не мог сложить созвучных чисел
В гекзаметр правильный, – что, на мою беду,
Знать, к ямбу я прирос и с ямбом в гроб сойду.

7 мая 1853 г., Дрезден. Goşgular